

Научная статья

УДК 008: 930.85: 003

DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-212-228

**Репрезентация отношений власти
в средневековых дискурсах:
от критического анализа исторического текста
к семиотике средневековой культуры**

Сергей Викторович Санников

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия

sannikov_sv@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5249-7723>

Аннотация

В статье на историческом материале рассматривается проблема репрезентации отношений власти в дискурсе. Подход, выработанный в рамках направления критического анализа дискурса (Т. ван Дейк, Р. Водак, А. Хольцшайгер, Н. Фэркло), переосмыслен и расширен с применением методов российской и германской семиотических школ, в частности концепции репрезентации власти в культуре Р. Познера и М. Зифкеса, семиотики культуры Ю. М. Лотмана. Власть рассматривается в контексте семиотических отношений в трех измерениях культуры: ментальной культуре, социальной культуре и материальной культуре, которым соответствуют три типа власти: власть интерпретации, проявляющаяся в различных сферах интеллектуальной и религиозной культуры; власть распоряжения, связанная в основном с собственностью; и иерархическая власть (власть положения), реализуемая посредством институтов.

© Санников С. В., 2026

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 212–228

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2026, no. 1, pp. 212–228

Ключевые слова

анализ дискурса, семиотика культуры, образ власти, символическая власть, средневековая культура, Иордан, Григорий Турский, Альфред Великий

Для цитирования

Санников С. В. Репрезентация отношений власти в средневековых дискурсах: от критического анализа исторического текста к семиотике средневековой культуры // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 212–228. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-212-228

**Representation of power relations in medieval discourses:
from critical analysis of historical text
to semiotics of medieval culture**

Sergey V. Sannikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation

sannikov_sv@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5249-7723>

Abstract

The article examines the problem of representation of power relations in discourse using historical material. The approach developed within the framework of the critical discourse analysis (T. van Dijk, R. Wodak, A. Holzschleiter, and N. Fairclough) is revised and expanded using the methods of the Russian and the German semiotic schools, particularly the concept of representation of power in culture by R. Posner and M. Siefkes and the semiotics of culture by Yu. M. Lotman. Power is considered in the context of semiotic relations in three dimensions of culture: mental culture, social culture, and material culture, which correspond to three types of power: the power of interpretation, manifested in various spheres of intellectual and religious culture; the power of disposition, mainly related to property; and hierarchical power (the power of position), implemented through institutions.

Keywords

analysis of discourse, semiotics of culture, image of power, symbolic power, medieval culture, Jordanes, Gregory of Tours, Alfred the Great

For citation

Sannikov S. V. Representation of power relations in medieval discourses: from critical analysis of historical text to semiotics of medieval culture. *Kritika i Semiotika*

[*Critique and Semiotics*], 2026, no. 1, pp. 212–228. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-212-228

Проблема репрезентации отношений власти в дискурсе восходит к исследованиям М. Фуко, посвященным вопросам археологии знания. Наиболее детальную разработку вопрос отражения отношений власти в дискурсе получил в рамках критического анализа дискурса, в частности в работах Т. ван Дейка [Van Dijk, 1996], Р. Водак [Wodak, 2012], А. Хольцшайтер [Holzscheiter, 2005], Н. Фэркло [Fairclough, 1989]. Принято различать три отношения власти и дискурса, согласно типологии А. Хольцшайтер: «власть в дискурсе», «власть над дискурсом» и «власть дискурса» [Holzscheiter, 2005, p. 69]. В соответствии с комментарием Р. Водак, «первый из них означает борьбу за значения и интерпретации терминов и дискурсов... выбор „определенных языковых кодов, правил взаимодействия, правил доступа к общественным пространствам, сопряженным с созданием смыслов, а также правил принятия решений, очередности выступлений, открытия сессий, внесения дополнений и изменений“» [Wodak, 2012, p. 217]. «Власть над дискурсом» обычно означает доступ к аудитории, т. е. степень, в которой конкретные акторы становятся видимыми и слышимыми [Holzscheiter, 2005, p. 57], тогда как «власть дискурса» подразумевает «влияние исторически сложившихся макроструктур смысла, конвенций языковой игры, в которой оказываются акторы», см. [Wodak, 2012, p. 217].

Следует отметить, что каждое из вышеперечисленных отношений попадает в фокус внимания определенной школы или направления анализа дискурса. Первое отношение (*власть в дискурсе*) связано с исследованиями Эссекской школы и работами Э. Лакло и Ш. Муфф [Laclau, Mouffe, 1985], Р. Водак [Wodak, 2012]; второе отношение (*власть над дискурсом*) получило разработку в исследованиях Т. ван Дейка [Van Dijk, 1996], тогда как третье (*власть дискурса*) скорее связано с исследованиями М. Фуко [Foucault, 1971], Р. Барта [Barthes, 1979] и постструктуралистской традицией.

В связи с тем что отношения власти распространяются значительно шире собственно политического пространства (в данном случае мы подразумеваем различные аспекты власти в сфере культуры, включая составляющие идеологии, религии, образования и многих других измерений семиосферы), при анализе репрезентации отношений власти в дискурсе

целесообразно отталкиваться от семиотической модели отношений власти в пространстве культуры. Данный подход корреспондирует с семиотической интерпретацией отношений власти, предложенной М. Зифкесом [Siefkes, 2010] на основе семиотической онтологии культуры Р. Познера [Posner, 2004]. В своем исследовании М. Зифкес анализирует семиотические аспекты коммуникативных ситуаций, связанных с проявлением социальной власти; опираясь на трактовку власти М. Вебера [Weber, 1956 (1922)] и исследовательскую модель культурной семиотики Р. Познера [Posner, 2004], автор приходит к выводу о возможности проявления власти в трех измерениях культуры: ментальной культуре, социальной культуре и материальной культуре. Этим измерениям соответствуют три типа власти: власть интерпретации, проявляющаяся в различных сферах интеллектуальной и религиозной культуры; власть распоряжения, связанная в основном с собственностью; и иерархическая власть (власть положения), реализуемая посредством институтов.

Следует специально отметить, что данные семиотические аспекты проявления власти в культуре не могут быть редуцированы к «символической власти», являющейся предметом исследования в рамках направления критического дискурс-анализа. В частности, семиотический акт подписания договора купли-продажи имения, влекущий за собой прямое воздействие на судьбы многих лиц, сопряженных с данным объектом, что является одним из ярких примеров проявления власти в семиотике культуры М. Зифкеса, лишь с большой натяжкой мог бы рассматриваться в качестве акта отправления «символической власти» в терминах критического дискурс-анализа, поскольку в самом данном акте приобретения не прослеживается каких-либо составляющих получения контроля над средствами производства дискурса или к контролю над сознанием аудитории влияния на дискурс, а приобретатель имения не достигает своим действием причисления к категории «символических элит».

Вышеупомянутые аспекты властных отношений можно, на наш взгляд, рассмотреть в качестве составляющих определенных исторических текстов и нарративов. Характерно, что лексика тех исторических трудов периода «варварских королевств», где описываются властные отношения, насыщена терминами, отражающими категории владения, собственности или господства над определенной территорией. Например, Григорий Турский выражает королевскую власть в терминах *держания* (*tenere*: «Против

Сиагрия выступил Хлодвиг вместе со своим родственником Рагнахаром, у которого тоже было королевство [quia et ipse regnum **tenebat**]¹; «Тогда братья Гундобад и Годегизил владели [**retinebant**] королевством, простиравшимся по Роне и Соне с провинцией Массилийскою»²) или даже *владения* (possessio: «После одержанной победы Годегизил, пообещав Хлодвигу часть своего королевства, удалился с миром и со славою вступил во Вьенн, словно он уже владел [**possederit**] всем королевством»³; «Сын же, чтобы завладеть его королевством [tamquam regnum illius **possessurus**], подослал к нему убийц и приказал там его убить...»⁴).

Подобные выражения мы находим и в тексте Иордана, описывающего варварский мир периода Великого переселения народов: предводитель гуннов Аттила держит (tenere) в своей власти весь варварский мир («...короля Аттилы, державшего [в своей власти] весь варварский мир» [Attilae regis barbariae tota **tenenti**]⁵; Иордан с восхищением называет Аттилу «великим королем» (praecipuus rex Attila), «...который с неслыханным до толе могуществом один овладел скифским и германским царствами» (qui inaudita ante se potentia solus Scythica et Germanica regna **possedit**)⁶. В интерпретации Иордана готы держат (tenere) территории и правят населением римских провинций: «...с тех пор Италию и Рим стали держать готские короли» (Gothorum dehinc regibus Romam Italiamque **tenentibus**)⁷. В этом высказывании мы находим совпадение семантических полей концептов POTESTAS (власть) и POSSESSIO (владение), что явно указывает на семиотические составляющие, отражающие отношения власти на основе права владения (распоряжения, disposition в типологии М. Зифкеса).

Анализируя раннесредневековые правовые тексты, можно проследить процесс возрастания роли публично-правовых институтов и сопряженных

¹ Gregorii Turonensis, II, 27.

² Там же, 32.

³ Там же.

⁴ Там же, 40.

⁵ Get., 179.

⁶ Там же, 257.

⁷ Там же, 243.

с ними лексических категорий, которые постепенно замещают в правовом поле лексику, отражающую отношения власти, основанные на принципах владения и фактического могущества. Если в законодательстве лангобардов можно проследить отношение к оппонентам носителя власти как к предателям, с опорой на принцип идентичности воли суверена и высшего права («Если кто совещался с королем о лишении жизни другого или убил человека по его приказанию, нет ему ни в чем вины, и пусть во все времена ни он, ни наследники его не терпят от того, на жизнь которого покушались, или от наследников его изыскания или беспокойства; ибо мы полагаем, что сердце короля находится в руке Господа [и] невозможно то, чтобы [какой-нибудь] человек смог снять обвинение с того, кого король приказал убить»⁸), то в вестготском законодательстве встречается уже совершенно иной подход («добровольно исполняя Божественные повеления, дадим умеренные законы себе и нашим подданным; законы, которыми мы, наши преемники и весь народ можем с готовностью подчиняться; так чтобы ни один человек, какого бы ранга или достоинства он ни занимал, не мог отказаться подчиниться силе закона, который необходимость и воля короля сочли нужным и полезным учредить»⁹).

Раннесредневековая литература содержит примеры интерформационности, в рамках которой можно проследить переход от лексики, характерной для дискурсов, сопряженных с отправлением *власти распоряжения* (отражающей отношения фактического могущества и владения), к лексике, соотносимой с отправлением *власти положения* (нормативной и институциональной власти), как, например, в следующем высказывании Иордана: «И начали тогда готы уже не как пришельцы и чужаки, но как [римские] граждане и господа, повелевать землевладельцами (ut cives et domini possessoribus **imperare**) и держать в своей власти все северные области вплоть до Данубия (totasque partes septentrionales usque ad Danubium **suo iuri tenere**)»¹⁰. В данном примере прослеживается смещение лексики, сопряженной с отношениями буквального обладания

⁸ Edictus Rothari, 2. Перевод цит. по: [Шервуд, 1992, с. 16].

⁹ Liber iudiciorum, II, I, 2.

¹⁰ Get., 137.

(владения и распоряжения) территорией, в пользу концептов, характерных для системы публично-правовых отношений: *impegare* (осуществлять верховную власть), *suo iuri tenere* (держат в своей власти, фактически «в своем праве»).

Власть на основе права *интерпретации* является одной из наиболее значимых форм осуществления власти в рамках семантического типа культуры в связи с наличием символической иерархии значений, описанной Ю. М. Лотманом [Лотман, 1970]. Парадигматическая модель средневековой культуры начинается с библейского вербального акта творения, вслед за которым происходит акт наречения имен всех живых существ. К. Мэндоки отмечает в своем исследовании, посвященном вопросам взаимосвязи власти и семиозиса, что библейский сюжет с наречением имен всех живых существ может рассматриваться в качестве одного из первых семиотических актов власти человека над сотворенным миром [Mandoki, 2004]. Весьма характерна в данном аспекте связь отношений власти и первичного процесса словонаречения, отмеченная Д. Теллом в рамках рефлексии относительно исследования Дж. Агамбена:

Таким образом, простой акт номинации указывает на изначальный опыт языка. В этом отношении важнейшей характеристикой номинации является тот факт, что в акте именованности слова и поступки перформативно связаны... в изначальном акте именованности слова и вещи были связаны только эстетическими предпочтениями сильного; только когда слабые повторяли изначальные междометия сильных, слова попадали в сферу семантики, репрезентации и значения [Tell, 2012, p. 455].

Символическая политика предполагает «стратегическое использование символического капитала как постоянную борьбу за „власть наречения“: за возможность обязательного установления наименований, понятий и интерпретаций» [Поцелуев, 2012, с. 47]. Например, топонимика интегрируется в этногенетический миф и рассматривается в качестве подтверждения исторической связи народа и его территории, что отражается, в частности, в готском историческом нарративе, транслирующем мотив морского переселения и обретения готами новых мест поселения на побережье континентальной Европы: «Лишь только, сойдя с кораблей,

они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется: Готискандза»¹¹.

В средневековой семиотике культуры акт наречения обеспечивает структурирование политического пространства и идентифицируется как *власть слова*:

Способность мифопоэтического пространства сужаться до точки и расширяться до некоторого обжитого пространства иллюстрируется основным местом действия эпоса — замком Хродгара: «Pa ic wide gefraegnweorc gebannan manigre maegþe þisne middangeard... scop him Heort naman, se þe his words geweald wide haefde» (В. 75–79). (Слышал я повсюду, что дворец возводить со всего срединного мира... нарек его Хеорот, тот, кто *власть слова* везде имел.) Этот фрагмент иллюстрирует значимость онаматетического акта в традиции. Придание построенному зданию имени рассматривается как заключительный акт строительного ритуала, и только получение имени гарантирует включение дворца в структуру мира (ср. положение о номинализме как ведущем принципе мифопоэтической традиции) [Проскурин, 2017, с. 8].

Следует отметить, что рассматриваемый тип власти является одним из наиболее значимых с точки зрения методологии критического дискурса-анализа, в рамках которого придается большое значение методам управления посредством воздействия на убеждения и ценности их носителей. Это обусловлено тем, что «контроль осуществляется не только в отношении дискурса как социальной практики, но и в отношении сознания управляемых, то есть в отношении их знания, мнений, отношений, идеологии, а также личных или социальных репрезентаций. В целом, контроль над сознанием является непрямым, подразумеваемым, возможным или вероятным следствием дискурса. Те, кто контролируют дискурс, могут косвенно контролировать сознание людей. А поскольку действия людей управляются их сознанием (знаниями, отношениями, идеологией, нормами, ценностями), контроль над сознанием означает также косвенный контроль над действиями» [Дейк, 2013, с. 27]. Данный подход в определенной

¹¹ Там же, 25.

степени отсылает читателя к концепции культурной гегемонии А. Грамши [Грамши, 1991].

В определенной степени модель власти, основанной на акте интерпретации, сопрягается с моделями отношений власти, основанными на положении субъекта в социальной иерархии (что, например, дает М. Пешё возможность предполагать появление привилегированного типа «интерпретирующего чтения» [Пешё, 1999, с. 296]), но при этом данные модели власти не являются тождественными. В частности, в исторический период, как практики толкования и наделения значением в традиционных культурах оставались подчинены соответствующим дискурсивным практикам, достаточно догматичным и даже репрессивным в своей основе, именно в рамках культур так называемого Осевого времени (согласно концепции К. Ясперса) [Ясперс, 1991, с. 32–50] возникают новые учения, формирующие впоследствии собственные культурные институты. Весьма показательно в данном отношении, что одной из значимых претензией со стороны иудеев в адрес проповедующего Христа является то, что Христос выступает интерпретатором Священного Писания, не имея для этого, с их точки зрения, соответствующего образования и институциональных оснований¹².

Пространство символической власти, подразумевающей доступ к публичному дискурсу и осуществление контроля над ним, стремится в средневековой культуре к постоянному ограничению. В частности, ограничение права интерпретации в средневековой культуре является распространенной практикой, выражающейся в форме преследования ересей и учений, отклоняющихся от ортодоксальной религиозной догмы. Вместе с этим, большую роль в средневековой культуре играет харизматическое лидерство, основанное на осуществлении актов интерпретации, что порождает большое количество еретических движений и сообществ, наделяющих их лидеров соответствующей властью. Как отмечает Т. ван Дейк, «тому, кто может убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми, не нужно применять силу» [Дейк, 2013, с. 32]. Достаточно показательно, что фактический интеллектуальный раскол европейского мира

¹² Например, Ин. 7:15–39: «И дивились Иудеи, говоря: как Он знает Писания, не учившись?».

эпохи поздней Античности и раннего Средневековья на два культурных полюса — арианский и ортодоксальный — породил драматические события, от исхода которых в значительной степени зависели контуры культурного развития всей будущей европейской цивилизации.

Крайне осторожное отношение к интерпретации правовых норм можно проследить и в законодательном процессе, который в рамках раннесредневекового права носил преимущественно характер кодификации обычного права и правовых традиций. Анализируя текст законов короля Альфреда Великого, можно обнаружить, что даже король, несмотря на свое исключительное положение в качестве источника права, выражает крайне сдержанную позицию относительно возможности изменения правовых норм, опираясь на обычай и мнение королевского совета в данном вопросе:

Тогда я, король Альфред, собрал их вместе (togædere gegaderode) и постановил записать (awritan het) многое из того, чего придерживались наши предшественники, того, что мне понравилось (ða ðe me licodon); и многое из того, что мне не понравилось, я отверг (and manege þara þe me ne licodon ic aweaþr), по совету с моими уитанами, и повелел придерживаться по-другому (and on oðre wisan beþead to healdanne). Потому я не посмел (ic ne dorste) записать многие из моих собственных предписаний (gedristlæsan þara minra awuht fela on gewrit settan), поскольку не знал, что из них одобряют те, кто будут после нас. Тогда из тех законов, что я обнаружил от дней Инэ, моего родственника, или Оффы, короля Мерсии, или Этельберта, который первый среди англоv принял крещение, те, которые мне показались наиболее справедливыми (þa ðe me ryhtoste ðuhton), я собрал здесь, а остальные отбросил (gegaderode and þa oðre forlet)¹³.

Указанный пример демонстрирует сопряжение коммуникативных актов, связанных с отправлением *власти положения* (говорящий носит королевский титул) и *интерпретации* (говорящий выступает в контексте данного речевого акта скорее как лагман [lagman, lögsögumaður ‘говорятель закона’]), но право говорить и решать в данном случае приносится

¹³ См.: Фрагменты кодекса короля Альфреда / Предисл., пер. и коммент. С. В. Санникова // История государства и права: Федеральный журнал. 2009. № 20 (октябрь). С. 2–7.

актору именно обладанием соответствующего положения в публично-правовой структуре¹⁴.

Интеллектуальная среда, питающая работы средневековых историографов, является ярким примером пространства власти, основанной на *интерпретации*. Авторы, как правило, формируют выраженную ценностную позицию в отношении излагаемых событий прошлого (как отмечает Григорий Турский, приступающий к написанию десяти книг своей «Истории», «заботясь, чтобы память о прошлом достигла разума потомков, не решился я умолчать ни о расправах злодеев, ни о житии праведников»)¹⁵, обусловленную как их собственной культурной идентичностью, так и позицией заказчика (как индивидуального, так и корпоративного), нередко присутствующего у подобных работ. Следует также отметить, что «исторический дискурс по самой своей структуре... представляет собой прежде всего идеологическую, точнее *воображаемую* конструкцию» [Барт, 2003, с. 438], а в основе потребности составления исторических произведений и интерпретации прошлого лежит, по всей видимости, один из базовых механизмов культурной идентичности — потребность в исправлении прошлого. Как отмечает Ю. М. Лотман, «причины, побуждающие культуру воссоздавать свое собственное прошлое, сложны и многообразны... Речь идет здесь о психологической потребности переделать прошлое, внести в него исправления, причем пережить этот скорректированный процесс как истинную реальность. Таким образом, речь идет о трансформации памяти» [Лотман, 1992, с. 196].

Подведем итоги. Дискурсы, сопряженные с *отношениями власти*, представленные в раннесредневековой литературе, отражают такие коммуникативные аспекты, как *власть положения*, *власть распоряжения* (собственностью) и *власть интерпретации*. Анализ раннесредневековых

¹⁴ Следует учитывать, что понятие «публичного права» используется в данном случае с определенной долей условности, в связи с существенными различиями между правовыми системами, характерными для германской и романской правовых семей в рассматриваемый период.

¹⁵ Gregorii Turonensis, Praefatio.

текстов¹⁶ дает возможность сделать вывод о том, что дискурс публичной власти не редуцируется к сугубо административному или институциональному дискурсу. В рамках различных дискурсов (административного, образовательного, правового, историографического и т. д.) могут присутствовать составляющие, указывающие на коммуникативные аспекты отношений власти различного происхождения, выраженные в использовании соответствующих лексических компонентов, анализ которых предполагает смещение методологического фокуса с подходов, характерных для критического анализа дискурса, в область подходов семиотико-культурологического характера.

В большинстве случаев выявленные компоненты присутствуют в конкретных текстах в комбинированном виде, отражая превалирование той или иной составляющей в отдельном фрагменте повествования. Не исключено, на наш взгляд, что указанные составляющие могут являться элементами различных дискурсивных формаций. Текст источников также носит в ряде случаев интердискурсивный характер (так, например, исторические памятники могут содержать интерполяции народных нарративов, правовых документов и официальных писем, исторических хроник, конструируемых политических мифов, географических трактатов и т. д.), что позволяет проследивать комбинаторику описанных выше элементов дискурса власти, отражающую соответствующие процессы в культуре рассматриваемого периода.

Список источников

Get. — Iordanis De origine actibusque Getarum // MGH. AA. Berolini, 1882. T. V. Pars 1. P. 53–138.

Gregorii Turonensis — Gregorii episcopi Turonensis libri Historiarum X / Ed. by B. Krusch and W. Levison // MGH. SS. rer. Merov. I, 1. Hannover, 1951.

¹⁶ Уместно в связи с этим упомянуть о том, что «дискурсы письменной культуры просто неосуществимы вне текстуального начала, поскольку сами высказывания, образующие „тела“ таких дискурсов, изначально рождаются в текстах» [Силантьев, 2010, с. 80].

Liber iudiciorum — Codicis legum Wisigothorum libri XII (ex bibliotheca Petri Pithoei), Parisiis (apud Sebastianum Nivellium, sub Ciconis, via Iacobaea), 1579. URL: [https://www.dmgh.de/mgh_ll_nat_germ_1/index.htm#page/\(33\)/mode/lup](https://www.dmgh.de/mgh_ll_nat_germ_1/index.htm#page/(33)/mode/lup) (дата обращения: 15.05.2026).

Ин. — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. По благословлению святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена. К столетию издания Библии на русском языке (1876–1976). Russian Orthodox Bible, United Bible Societies. М., 2000.

Фрагменты кодекса короля Альфреда / Предисл., пер. и коммент. С. В. Санникова // История государства и права: Федеральный журнал. 2009. № 20 (октябрь). С. 2–7.

Шервуд Е. А. Законы лангобардов: обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1992. 286 с.

Список литературы

Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 511 с. С. 427–441

Грамини А. Тюремные тетради: В 4 ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991. 559, [1] с.

Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, 2013. 344 с.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс: Гнозис, 1992. 270, [1] с.

Лотман Ю. М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков // Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. 105 с.

Пешё М. Что значит читать архивный документ сегодня? // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. 416 с.

Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика / Отв. ред. О. Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. 333 с. С. 17–53.

Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Культурные трансферы и тексты. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 173, [2] с.

Силантьев И. В. Дискурс и жанр // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 9: Журналистика. 2010. № 6. С. 78–83.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527, [1] с.

Barthes R., Howard R. Lecture in inauguration of the chair of literary semiology, Collège de France, January 7, 1977 // October. 1979. Vol. 8. P. 3–16.

Fairclough N. Language and power. London: Longman, 1989. XII, 259 p.

Foucault M. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris: Gallimard, 1971. 81 p.

Holzschneider A. Power of discourse and power in discourse: an investigation of transformation and exclusion in the global discourse of childhood. Unpublished PhD thesis, Freie Universität Berlin, 2005.

Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London, 1985. XIX, 198 p.

Mandoki K. Power and semiosis // Semiotica. 2004. Vol. 151 (1/4). P. 97–114.

Posner R. Basic tasks of cultural semiotics // Signs of power — power of signs: Essays in honor of Jeff Bernard / Ed. by Gloria Withalm and Josef Wallmannsberger. Vienna: INST, 2004. 536 p. P. 56–89.

Siefkes M. Power in society, economy, and mentality: towards a semiotic theory of power // Semiotica. 2010. Vol. 181 (1/4). P. 225–261.

Tell D. Review: The sacrament of language: an archaeology of the oath by Giorgio Agamben and Adam Kotsko // Philosophy & Rhetoric. 2012. Vol. 45. № 4. P. 452–459.

Van Dijk, T. A. Discourse, power and access // Texts and practices: readings in critical discourse analysis. Ed. by Carmen Rosa Caldas-Coulthard and Malcolm Coulthard. London, New York: Routledge, 1996. 312 p. P. 84–104.

Weber M. Wirtschaft und gesellschaft. In 2 Bden. Bd. 2. Tübingen: Mohr, 1956 (1922). XVIII, 1033 S. S. 181–876.

Wodak R. Language, power and identity // Language Teaching. 2012. Vol. 45. № 2. P. 215–233.

Sources

Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. [The Bible. The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments] Po blagoslovlenuyu svyateyshego patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Pimena. K stoletiyu izdaniya Biblii na russkom yazyke (1876–1976). Russian Orthodox Bible, United Bible Societies. Moscow, 2000. (in Russ.)

Fragmenty kodeksa korolya Al'freda [Fragments of the Law Code of King Alfred] Predisl., per. i komment. S. V. Sannikova. *Istoriya gosudarstva i prava: Federal'nyy zhurnal*, 2009, no. 20 (October), pp. 2–7. (in Russ.)

Get. — Iordanis De origine actibusque Getarum // MGH. AA. Berolini, 1882. T. V. Pars 1. Pp. 53–138.

Gregorii Turonensis — Gregorii episcopi Turonensis libri Historiarum X / Ed. by B. Krusch and W. Levison // MGH. SS. rer. Merov. I, 1. Hannover, 1951.

Liber iudiciorum — Codicis legum Wisigothorum libri XII (ex bibliotheca Petri Pithoei), Parisiis (apud Sebastianum Nivellium, sub Ciconis, via Iacobaea), 1579. URL: [https://www.dmgh.de/mgh_ll_nat_germ_1/index.htm#page/\(33\)/mode/1up](https://www.dmgh.de/mgh_ll_nat_germ_1/index.htm#page/(33)/mode/1up) (accessed 15.05.2026)

Shervud Ye. A. Zakony langobardov: obychnoye pravo drevnegermanskogo plemeni (k rannemu etnogenezu ital'yantsev). [Laws of the Lombards: customary law of an ancient Germanic tribe (On the early ethnogenesis of the Italians)]. Moscow, Nauka, 1992. 286 p. (in Russ.)

References

Barthes R. Diskurs istorii [Discourse of history]. In: Bart R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury [The fashion system. Essays on the semiotics of culture]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2003. 511 p. Pp. 427–441. (in Russ.)

Barthes R., Howard R. Lecture in inauguration of the chair of literary semiology, Collège de France, January 7, 1977. *October*, 1979, vol. 8, pp. 3–16.

Dijk, van T. A. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and power: representation of dominance in language and communication]. Moscow, URSS, 2013. 344 p. (in Russ.)

Dijk, van T. A. Discourse, power and access. In: Texts and practices: readings in critical discourse analysis. Ed. by Carmen Rosa Caldas-Coulthard and Malcolm Coulthard. London, New York, Routledge, 1996. 312 p. Pp. 84–104.

Fairclough N. Language and power. London, Longman, 1989. XII, 259 p.

Foucault M. L'Ordre du discours. Leçon inaugurale au Collège de France prononcée le 2 décembre 1970. Paris, Gallimard, 1971. 81 p.

Gramsci A. Tyuremnyye tetradi [Prison notebooks]. V 4 ch. Ch. 1. Moscow, Politizdat, 1991. 559, [1] p. (in Russ.)

Holzsheiter A. Power of discourse and power in discourse: an investigation of transformation and exclusion in the global discourse of childhood. Unpublished PhD thesis, Freie Universität Berlin, 2005.

Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The origin and goal of history]. Moscow, Politizdat, 1991. 527, [1] p. (in Russ.)

Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics. London, 1985. XIX, 198 p.

Lotman Yu. M. Kul'tura i vzryv [Culture and explosion]. Moscow, Progress, Gnosis, 1992. 270, [1] p. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Problema znaka i znakovoy sistemy i tipologiya russkoy kul'tury XI–XIX vekov [The problem of the sign and the sign system and the typology of Russian culture of the 11th–19th centuries]. In: Stat'i po tipologii kul'tury [Essays on the typology of culture]. Tartu, 1970. 105 p. (in Russ.)

Mandoki K. Power and semiosis. *Semiotica*, 2004, vol. 151 (1/4), pp. 97–114.

Pêcheux M. Chto znachit chitat' arkhivnyy dokument segodnya? [What does it mean to read an archival document today?]. In: Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa [The quadrature of meaning: the French school of discourse analysis]. Moscow, Progress, 1999. 416 p. (in Russ.)

Posner R. Basic tasks of cultural semiotics. In: Signs of power — power of signs: essays in honor of Jeff Bernard. Ed. by Gloria Withalm and Josef Wallmannsberger. Vienna, INST, 2004. 536 p. Pp. 56–89.

Potseluyev S. P. «Simvolicheskaya politika»: k istorii kontsepta [“Symbolic politics”: towards the history of the concept]. In: Simvolicheskaya politika [Symbolic politics]. Ed. by O. Yu. Malinova. Moscow, INION RAN, 2012. Vyp. 1: Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyy resurs [Iss. 1: Constructing ideas about the past as a power resource]. 333 p. Pp. 17–53. (in Russ.)

Proskurin S. G., Proskurina A. V. Kul'turnyye transfery i teksty [Cultural transfers and texts]. Novosibirsk, IPTS NGU, 2017. 173, [2] p. (in Russ.)

Siefkes M. Power in society, economy, and mentality: towards a semiotic theory of power. *Semiotica*, 2010, vol. 181 (1/4), pp. 225–261.

Silant'yev I. V. Diskurs i zhanr [Discourse and genre]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. Tom 9: Zhurnalistika [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology. Vol. 8: Journalism]*, 2010, no. 6, pp. 78–83. (in Russ.)

Tell D. Review: The sacrament of language: an archaeology of the oath by Giorgio Agamben and Adam Kotsko. *Philosophy & Rhetoric*, 2012, vol. 45, no. 4, pp. 452–459.

Weber M. Wirtschaft und gesellschaft. In 2 Bden. Bd. 2. Tübingen, Mohr, 1956 (1922). XVIII, 1033 S. S. 181–876.

Wodak R. Language, power and identity. *Language Teaching*, 2012, vol. 45, no. 2, pp. 215–233.

Информация об авторе

Сергей Викторович Санников, кандидат исторических наук

Information about the Author

Sergey V. Sannikov, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 03.11.2025;
одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 25.05.2026
The article was submitted on 03.11.2025;
approved after reviewing on 27.11.2025; accepted for publication on 25.05.2026*